

14 ноября — С. Т. Голубовъ: «Историко-топографическое изслѣдованіе о древнемъ Кіевѣ» (см. Чтенія, кн. XIV, стр. 23 сл.).

6 мая 1900 г. — г-жа Е. И. де-Витте: «Археологическая находка въ с. Ласковѣ, Владиміръ-Волынскаго уѣзда въ 1610 году»: архивные документы даютъ, конечно, весьма недостаточное описаніе найденныхъ древностей, относившихся по всей видимости къ великокняжескому періоду (см. «Кіевская Старина», 1900 г., т. LXIX, стр. 195).

Въ появившемся «Отчетѣ Церково-Археологическаго Общества при Кіевской Духовной Академіи за 1899 г.» (Кіевъ. 1900, т. 8) упоминаются сообщенія Н. И. Петрова: «Дополнительное собраніе древнихъ металлическихъ крестиковъ и образковъ Б. И. Ханенко», «Объ экстазѣ и экстагическихъ припадкахъ у турецкихъ дервишей въ Константинополѣ» и С. Т. Голубева: «О кладѣ изъ золотыхъ вещей XI в., найденныхъ въ Кіевѣ на усадьбѣ Л. И. Бродскаго, по Екатерининской улицѣ».

С.

Резюме реферата Д. В. Айналова о княгинѣ Ольгѣ въ Царьградѣ. Приводя лѣтописныя извѣстія о посольствахъ въ Царьградѣ ранѣе Ольги, референтъ полагаетъ, что «палаты златыя» въ разсказѣ о посольствѣ Олега — ничто иное, какъ «хрисотриклинъ», а драгоценности, видѣнныя ими тамъ, нарочно для того были выставлены, какъ сообщается то въ «Придворномъ Уставѣ» о приѣмѣ испанскихъ и сарацинскихъ пословъ.

Краткій, въ фактической части, лѣтописный разсказъ сравнивается съ подробнымъ описаніемъ приѣма Ольги въ «Придворномъ Уставѣ», кн. III гл. 15, р. 597, такъ какъ сдѣланныя доселѣ попытки такого сопоставленія считаются референтомъ неудовлетворительными: отчасти краткими, отчасти произвольными. Недомолвки и опущенія въ описаніи приѣма у Константина могутъ и должны быть дополняемы изъ другихъ описаній аналогичныхъ приѣмовъ. Приѣмъ Ольги долженъ былъ происходить въ большой залѣ Магнавры, гдѣ стоялъ царскій, такъ называемый Соломоновъ, тронъ. Приведя литературныя о немъ извѣстія, референтъ указалъ на изображеніе соломонова трона въ Библии св. Павла за стѣнами Рима, гдѣ однако не изображено львовъ, и въ одной латинской рк. XIV в. «*Omniū virtutum et vitiorum delineatio*» въ Bibliotheca Casatanensis въ Римѣ, гдѣ на ступеняхъ трона стоятъ львы и сами ступени зеленаго цвѣта, согласно съ описаніями трона Магнавры. Приѣмъ Ольги царицею состоялся въ залѣ Юстиніана Ринотмета, а аудіенція у императора во внутреннихъ покояхъ: референтъ изложилъ все, что извѣстно объ упоминаемыхъ въ описаніи приѣма покояхъ. Описаны обѣдъ въ залѣ Юстиніана и хрисотриклинъ и предложенія десерта въ аристириі; поклонъ одною головою никакъ не можетъ быть объясняемъ, какъ то дѣлали нѣкоторые наши историки, «гордостью» Ольги: земного поклона и по церемоніалу тутъ не полагалось; о представленіяхъ во время обѣда можно судить по

описанію нѣкоторыхъ подобныхъ же Ліутпрандомъ, и отчасти по фрескамъ на лѣстницѣ Св. Софіи Кіевской. Описавъ залы хрисотрикліна и аристрия и рассмотрѣвъ кратко описаніе второго обѣда въ хрисотриклінѣ же и въ пентакувукліи Св. Павла, референтъ въ заключеніи пришелъ къ выводу, что пріемъ Ольги былъ особенно почетенъ по сравненію съ пріемами пословъ. Придворный уставъ не говоритъ ни слова объ осмотрѣ Ольгою церквей, но это разумѣется само собою и памятникомъ посѣщенія ею Св. Софіи осталось «блюдо большое золотое княгини Ольги», которое видѣлъ тамъ Антоній Новгородскій. Въ концѣ референтъ обратился къ изданной Н. П. Кондаковымъ (Русскіе клады, рис. 1) миниатюрѣ лицевой рк. Іоанна Скилицы въ Мадридѣ, изображающей пріемъ Ольги (Οὐλγα) императоромъ, и объяснилъ ее, какъ изображеніе аудіенціи во внутреннихъ покояхъ, а затѣмъ указалъ на чрезвычайную близость къ ней одного изъ изображеній на лѣстницѣ Св. Софіи Кіевской, гдѣ также внутри зданія изображена какая то женщина, стоящая предъ императоромъ; ниже изображено приглашеніе свиты въ залу при помощи жеста жезломъ. Близкое сходство фрески съ миниатюрою дѣлаютъ несомнительнымъ прежнее толкованіе ея (Рѣдинъ и Айналовъ. Кіево-Софійскій соборъ, стр. 128 сл.) и напоминаетъ референту гипотезу Карамзина о возможности существованія изображенія (иконы) Ольги, просвѣщаемой патріархомъ; теперь же возможно предположеніе о зависимости и сцены на фрескѣ и миниатюры отъ какого либо болѣе древняго изображенія пріема Ольги императоромъ.

С.

Засѣданія иностранныхъ научныхъ обществъ и учреждений.

Въ Парижской Académie des Inscriptions et Belles Lettres во второй половинѣ 1899 г. и въ началѣ 1900 года сдѣланы были слѣдующія сообщенія, касающіяся программы «Византійскаго Временника».

Въ засѣданіи 23 іюня и 7 іюля 1899 Clermont-Ganneau сдѣлалъ сообщеніе «о письмѣ Христа къ Авгарю и о еврейкѣ Кутби»: въ сирійскомъ текстѣ псевдо-Мелитона упоминается «еврейка Кутби, которую обожали месопотамцы, и которая спасла отъ враговъ Бакру, правителя Эдессы». Докладчикъ, указавъ на значеніе «писать» этого загадочнаго имени, предложилъ остроумную гипотезу для объясненія и этой «евреянки Кутби» и «письма Христа», являющихся хранителями Эдессы. По его догадкѣ, при введеніи іудейства въ Эдессѣ около начала нашей эры надъ воротами города помѣщена была т. н. mezuhah: свитокъ съ существеннѣйшими мѣстами Второзаконія, какъ то дѣлается у евреевъ и понынѣ; язычники сдѣлали изъ этого «писанія» богиню «еврейку Кутби», а христіане видѣли въ немъ письмо Христа къ Авгарю. (Сообщеніе напечатано Clermont Ganneau въ его Recueil d'archéologie orientale. Vol. III, № 41, p. 216—223).